

Глеб Иванович Успенский

В Царьграде

Глеб Иванович Успенский
В Царьграде
Серия «Очерки переходного
времени», книга 8

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=666175

Аннотация

«...В марте 1886 года Успенский выехал на Кавказ, побывал на черноморском побережье, в Одессе, затем остановился в Севастополе. Отсюда он в июне дважды выезжал в Константинополь (Стамбул, Царьград) на пароходе, а затем предполагал побывать в Болгарии. Однако эта поездка не состоялась. В Болгарии ожидался политический переворот, власть ставленника русского правительства принца Батгеаберга колебалась (он был низвержен в августе 1886 года), и Успенскому решительно отсоветовали намеченную поездку. <... > Из Константинополя Успенский через Керчь и Севастополь в июле возвратился в Чудово и продолжал обрабатывать для печати материалы своих заграничных впечатлений...»

Содержание

1	4
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глеб Иванович Успенский

В Царьграде

(Из путевых заметок <18>86 года)

1

Погода во время моей поездки была прелестная, тихая; море – как зеркало, ни парохода, ни паруса навстречу. Чуть покачивает, и задремать под это покачиванье куда как приятно. Походишь, походишь по пароходу, поглядишь на баранов, которых в огромном количестве везут в Константинополь, к празднику Байрама¹; поговоришь с нашими богомольцами, едущими в Иерусалим и на Афон, да и приляжешь отдохнуть. Часика три-четыре пройдут так, что и не заметишь.

Вероятно, в спокойном и крепком утреннем сне я бы «не заметил» и входа в Босфор, если бы добрый матрос не пришел разбудить меня. Европейский и азиатский берега были уж в нескольких стах саженях, когда я вышел на верхнюю палубу; они почти сходятся между собою, и расстояние между

¹ Байрам – мусульманский праздник, оканчивающий месяц поста (рамазана).

ними не шире Невы. Но затем Босфор, по которому пароход идет два часа, то суживается, то расширяется, образуя направо и налево заливы, небольшие бухты. При входе в Босфор, налево, стоит новая турецкая батарея, очевидно только что «с иголочки»; солдаты и офицеры виднеются на зеленых валиках, а между валиками пушки торчат. И на другой стороне Босфора тоже есть подходящие приспособления в этом роде: казарменные постройки; поминутно и в значительном количестве вырисовываются среди массы домиков, усеивающих все берега Босфора. Густо гнездятся эти домишки по берегам заливов, в бухтах, наполненных массою судов парусных и паровых.

Береговые постройки не бросаются в глаза своей восточной оригинальностью; все они европейского типа и большею частию деревянные; только окна мавританского стиля, запертые клетчатыми ставнями, говорят о чем-то восточном. Но все это не блещет оригинальностью, все как-то ordinarily, шаблонно; даже дворцы султанские, мимо которых мы проезжаем, не производят особенно оригинального впечатления. Они стоят как-то в ряду с ordinarily полувосточными домиками; ряд казарменных зданий, совершенно такого же художественного впечатления, как и всякие казармы, непременно расположены либо сбоку дворца, либо наряду с ним. Вслед за казармами идут хотя и из белого мрамора, но тоже весьма ordinarily постройки, флигеля, один, другой, третий, соединенные между собою переходами: это – га-

рем Дольма-Бахче², а эти казарменные флигеля, весьма похожие на наши губернские присутственные места, соединяются с дворцом султана. Может быть там, внутри этих дворцов, и есть что-нибудь оригинальное и поражающее, но, глядя со стороны, думается, что поместить в этих трех флигелях триста жен, да евнухов также сотни две, едва ли можно с особенным комфортом и великолепием. Какая тут должна быть куча баб, всякого служебного звания, при трехстах женах; какая куча детей, нянек. Не знаю, может быть все это показалось мне спросонок, но эффекта на меня не произвели ни Дольма-Бахче, ни Чараган, где живет Мурад³ и где в особом помещении содержится, говорят, тьма-тьмущая отставных гаремных дам.

Чудесные, красивые, гористые, цветущие до верхушек берега Босфора застроены почти только у самых берегов; иногда дома стоят фундаментами прямо в воде, а затем от берега и доверху пусто, а иногда даже дико. Единственное, что невольно обращает внимание в этих предместьях Константинополя, это отсутствие фабрик и заводов, свойственных предместьям всякого европейского, а теперь и русского города. Неприметно длинной трубы, охающего, воющего или фыркающего паровика, ни откуда не слышно фабричного

² *Дольма-Бахче* – летний дворец султана Турции на берегу Босфора.

³ *Мурад* – сын турецкого султана Абдул-Меджида, возведенный на престол дворцовым переворотом 30 мая 1876 года и свергнутый 31 августа того же года. Психически ненормальный, Мурад в качестве экс-султана жил во дворце Чараган на берегу Босфора.

свистка, не видно ни черного дыма, ни белого пара, за исключением, разумеется, неумолкаемого свиста пароходов, которые, по мере нашего шествия вперед, начинают буквально кишеть вокруг нас. Взад, вперед и поперек, в разных направлениях, начинают сновать большие и малые пароходы, парусные суда, парусные лодки, а затем бесчисленное множество лодок, каиков положительно покрывают всю видимую глазу поверхность воды.

И чем дальше мы идем, чем ближе подходим к Константинополю, тем труднее становится разглядеть, что такое перед нами: лес, в буквальном смысле, мачт, пароходных труб, флагов, парусов и клубы дыма и пара окончательно застилают перед вами перспективу Золотого Рога⁴, – и когда пароход, наконец, остановился (он останавливается посреди бухты, пристаней нет), то можно было разглядеть только следующее: налево – азиатский берег, Скутари, и на первом плане опять огромнейшие казармы; между Скутари и европейским берегом – кишашая судами и каиками гладь Мраморного моря, с голубыми силуэтами весьма недалеко отстоящих Принцевых островов, и европейский берег, старая Византия.

Этот небольшой мысок с дворцами византийских императоров весьма живописен; дворцы невелики, вроде московских кремлевских теремов, небольшою белою группой, окруженною невысокими стенами с башенками, красиво сьютились на этом мыске, утопая среди зелени кипарисов.

⁴ Золотой Рог – бухта Мраморного моря, Константинопольская гавань.

Рядком с ними – Святая София⁵, с четырьмя огромными минаретами, окружающими серое, закопченное пароходным дымом, искаженное пристройками здание огромного храма. На одной линии с Софией – еще мечети, еще минареты; но потом, по линии к Золотому Рогу, то есть в глубине изгиба бухты, ничего не видно, – дым и лес мачт.

Зато правая сторона видна на большое пространство; тысячи зданий покрывают берег от моря и доверху, и опять-таки ничего бросающегося в глаза. Мечеть Топ-хане была бы красива, если бы не была выкрашена охрой и если бы не примыкала к артиллерийским казармам и не была бы обставлена пушками и лафетами. И опять – казарма, казарменная постройка самого ординарного вида мозолит глаза прежде всего. Поистине, не над чем разыгаться фантазии. Тем не менее фантазия играет сама собой, без всякого существенного материала; думается, что вот там, где ничего-то не видно от дыма и леса мачт, там, где лежит такое очаровательное место, которое носит очаровательное название Золотого Рога, там-то должно быть чудеса и небылицы в лицах. Поскорей бы съехать на берег и поскорее увидеть эти чудеса своими глазами; но, оказывается, необходимо подождать, и прежде всего потому, что выгружают баранов, которыми наполнена вся палуба и весь трюм, и от которых буквально нет прохода. Зрелище этой выгрузки, однако, весьма любопытное; одна часть бараньего стада, помещающаяся на палубе, поражает

⁵ *Святая София* – мечеть в Константинополе (Стамбуле).

силою своих стадных инстинктов: целое стадо очертя голову бросается с борта парохода в лодку, стоящую ниже борта на несколько аршин, раз только в эту лодку брошен один баран; другая часть бараньего груза, помещающаяся в трюме, выгружается при помощи лебедки таким образом: по десяти – двенадцати баранов связываются вместе за одну заднюю ногу, и этот бараний букет, головою вниз, весь дрыгающий, дергающийся всем телом, вырывающийся из своих кандалов со страшными усилиями, высоко проносится над пароходом и быстро опускается над той же лодкой.

Наконец палуба очищена, но надобно еще подождать, пока успокоится таможня. Именно это слово говорят вам, когда пойдет речь о переезде на берег и о перевозке вещей. Многие из пассажиров везут в Константинополь кое-какие русские товары в небольшом количестве и, желая избежать пошлины, либо прямо суют в руку бакшиш⁶ турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароход, после чего он немедленно уезжает, или просто пережидает, пока чиновники турецкой таможни устанут ждать, то есть не больше полчасика; да и чего ждать? все это работа на чужих людей; подождите полчаса и смело поезжайте с вещами на берег: чиновники все разошлись, *успокоились*, полагая, что и без того уж им было много труда на пользу отечества.

Переждав, таким образом, все, что следовало нам переждать, мы, в числе нескольких русских пассажиров и слу-

⁶ Бакшиши (перс.) – взятка.

жащих на пароходе, сели, наконец, в шлюпку и поехали на берег. Берег близехонько, но пространство между ним и нашим пароходом до такой степени загромождено русскими, австрийскими, английскими, итальянскими, французскими пароходами, грузовыми, пассажирскими, стоящими на якорях, нагружающимися или выгружающимися, илидвигающимися то тихо, то на всех парах, что едем мы с величайшей осторожностью, постоянно озираясь направо и налево, и, наконец, кое-как добираемся до берега.

Эта часть Константинополя называется Галата. Знакомство наше с нею начинается с того момента, когда лодка останавливается близ агентства Русского общества пароходства, о чем свидетельствует вывеска, закопченная каменноугольным дымом и прибитая к двухэтажному, ободранному, почерневшему, облупившемуся дому. Этот облупившийся, веющий гнилью и разрушением дом есть как бы прототип всей той гнили и грязи, с которыми нас сию минуту познакомит Галата в самых широких размерах. Пройдя по узкому и закопченному коридору, мы входим на черный от каменного угля небольшой дворик агентства, через который и проникаем в первый смердящий переулок Галаты. Переулок вымощен булыжным камнем, по которому трудно ходить; он узок и смердящ. Из этого переулка мы поворачиваем в другой, также смердящий, хотя он и носит название *Citê Franèaise*⁷ и хотя при входе в него красуется вывеска: «Русская бака-

⁷ Французский городок.

лейная торговля». Из этого смердящего места мы выходим уж не в переулок, а в длинную, шумную улицу, смердящую уже в высшей степени. И здесь-то начинается то самое *разнообразие* впечатлений, о которых вы слышали от посетителей Константинополя, прежде нежели увидели его сами. Собственно говоря, первое, что поражает туриста в этих смердящих местах, это вовсе не хваленое разнообразие впечатлений, а нечто другое, именно – собаки. Не обратить на них самого пристального внимания невозможно, потому что, едва вы сделали шаг по булыжной и смердящей мостовой, как что-то завизжало, залаяло у вас под ногами и заставило вас броситься в сторону: вы наступили на спящую собаку. Собаки спят кучами, стаями, спят каким-то бездыханным сном, посреди улицы, на тротуаре, на камне, свесив с него в изнеможении головы и лапы, спят они целый божий день до глубокой ночи, когда просыпаются, чтобы уничтожить всякие объедки, выбрасываемые на улицу. Улицы разделены ими на участки, причем известный участок, от такого-то пункта до другого, принадлежит известной собачьей артели, и перейти из одного участка в другой, чтобы поживиться чужим добром, невозможно. Вора, нарушителя чужой собственности разорвут на части. Всякая собака, которая пожелает «по своим делам» пройти, положим, из одной улицы в другую, непременно ластится к какому-нибудь прохожему, трется о его ногу и этим успокаивает ошетинившуюся уже артель; она как бы говорит этой артели, что идет с

хозяином, «по своим делам», что им нечего беспокоиться. Не будь этих собачьих артелей, истребляющих массу всевозможных отбросов, трудно представить, что бы было с этими смердящими улицами и переулками Константинополя, и поэтому название «константинопольских санитаров», которым именуют эти артели, совершенно справедливо.

Отдав должную дань первому, наиболее сильному впечатлению, полученному нами в Константинополе, перейдем и к «разнообразию» впечатлений. Разнообразие это начинается тотчас, как только из смердящего *Cité Française* мы выйдем в главную улицу Галаты. Улица узка, смердяща, обставлена гнилыми, грязными, двух-, много трехэтажными домишками, внизу которых помещаются лавчонки с европейскими товарами всевозможного рода, перемешиваясь с бесчисленным множеством меняльных столиков и турецкими хлебопекарнями. Вторые этажи этих домишек почти сплошь заняты кафешантанами под всевозможными названиями вроде: «Олимп», «Антилоп», написанными по-французски и по-гречески. Эти кафешантаны не что иное как кабаки или, скорее, грязные публичные дома. Днем все эти вертепы молчат и спят, как спят собаки, но часов с семи вечера здесь начинается сущий ад. Необходимо упомянуть, что в то время, когда мне пришлось быть в Константинополе, был «рамазан», то есть пост. Пост этот продолжается целый день, часов до восьми вечера; в этот час, или около этого времени, пушечный выстрел извещает о моменте, в который мусульманское

население Константинополя может начать есть. Все мечети и минареты освещаются тысячами огней, и весь город начинает жить на всех парах.

В Галате, с момента этого пушечного выстрела, начинается суший содом: скрипки заливаются во всех шантаных вертепах, везде визжат женские голоса, стучат ноги танцующих и улица кишмя-кишит народом; разнообразие впечатлений, которыми она наделяет туриста в обыкновенное время, возрастает до высшей степени. Вагоны конножелезной дороги, с непрерывными звонками и скороходами, горланящими во все горло и бегущими перед вагоном, чтобы пропустить ему путь среди несметной толпы народа, перемешиваются с массою напирających друг на друга фиакров, телег с русскими дугами, навьюченных и ревущих ослов; крики разносчиков, непрерывные, раздражающие звонки торговцев прохладительными напитками, соединяясь с колокольным звоном греческих и православных церквей и подворий, с визгом оркестров, визгом певцов и певиц, — буквально одуряют и утомляют до невозможности.

Да и глаз утомляется не менее слуха; по нем, по этому несчастному глазу, то и дело бьет что-нибудь новое, неожиданное; солдат, монах, наш мужик-богомолец, а за ним арап, негр, за арапом француженка в турнюре и во всем прочем, за ней иезуит с голой макушкой, за ним турчанка, закутанная с головы до ног, за нею толпа иностранцев и т. д., и т. д. Все это кишмя-кишит, не понимая друг друга, не касаясь одни

других, и стоит только раз или два пройти по этой, исполненной якобы разнообразия впечатлений, смердящей улице, чтобы устать, только устать до невозможности. Нет, это не разнообразие парижских бульваров, улиц и переулков. И там японцы, перувианцы, и белые, и черные люди толкуются в общей свалке; но там все племена и народности сошлись в нравственном тяготении к чему-то общему, чего нехватает в обиходе их национальностей, но что пленяет их в обиходе, тоне и общем смысле французской жизни; там есть что-то высшее, что-то стоящее над этим черным, белым, перувианским и японским, что-то связующее разнородные национальности в общей идее; здесь только толкучка разных людей, разных племен, разных вер, не имеющих между собою никакой связи, смотрящих каждый в свой угол и связанных только улицей, по которой не возбраняется ходить и ездить кому угодно. Мечта о братстве народов, о том, что люди одна семья, — именно здесь-то, в этом Царьграде, в этом Константинополе, в этой Византии, в этом Стамбуле, никогда не придет вам в голову. В самом обилии названий, которыми именуют «это место» на земном шаре, вы видите уж полную отчужденность племен и народов, молчаливо толкущихся на этих чудных берегах. Вы видите, что племена и народы эти молчат, потому что каждый гложет свою кость, что каждый думает «о своем», и чувствуете, что оглянься они друг на друга, попробуй войти в интересы один другого, и вместо молчания, среди которого снует «по своим делам» эта раз-

ношерстная толпа, послышится нечеловеческое рычание и полетят куски мяса, как в собачьей свалке.

Здесь же, в Галате, на самом юру и в самом близком расстоянии от агентства Русского общества, находятся три русских подворья, устроенных на средства монахов Афонской горы и предназначенных для приема русских паломников, отправляющихся на Афонскую гору, в Иерусалим и возвращающихся оттуда обратно. На одном из этих подворий, Пантелеймоновском, мне пришлось ночевать несколько ночей. Это самое лучшее, роскошнейшее из подворий; к каждому русскому пароходу, приходящему из Одессы, Севастополя и Александрии, оно высылает монаха, который и приглашает с собой русских богомольцев. На обратном пути из святых мест богомольцы идут совершенно обнищавшие, и Пантелеймоновское подворье на один только прокорм этих обнищавших богомоллов тратит огромное количество пудов хлеба. Богомольцы, живя на подворье, получают помещение, пищу, чай, словом, все готовое, и платят кто что может. Дом, принадлежащий подворью, одно из лучших зданий Галаты: он обширен, в четыре этажа, прочен, солиден. В больших просторных сенях справа помещается лавка, где продают образа, фотографии, божественные книжки и какие-то афонские лекарства в пузырьках; отсюда же, из сеней, идет широкая каменная лестница во второй этаж и выше, в номера; они светлы, просторны, чисты, только подушки на кроватях жестки

до помрачения ума, и еще есть один недостаток: какая-то умопомрачительная вонь, которая не проветривается никакими ветрами, въедается в платье, в белье и совершенно уничтожает всякую восприимчивость обоняния. Вонь эта, происхождения афонского, от каких-то трав или каких-то масел, поистине ужасна. Ужасно здесь также соседство со всевозможными вертепами Галаты; музыка кафешантанов, колокольный звон, пение русских и греческих монахов, служащих обедни и вечерни; звонки конок, крики разносчиков, сущий ад кромешный. Но среди этого ада подворье есть как бы оазис или остров, населенный русскими людьми всякого звания, преимущественно же мужиками. И островитяне живут, повидимому, в полном разобщении с белым светом и его порядками.

Понадобилось мне выстирать белье, и оказалось, что на острове плохо понимают, что это означает. Богомолки стирать – стирают, а уж гладить – «не взыщите!»

– Нет, этого не можем! – сказал чистосердечно монах-послушник.

– Да вы спросите тут у барыни, куда она отдает белье-то?

– И то правда!

Монах ушел, спросил и, воротившись, сказал:

– Она неглаженое носит...

– Как же быть?

– А уж, ей-богу, не знаю! Мы вот какое носим...

Он вытянул из рукава подрясника рукав рубашки и пока-

зал, какое он носит белье.

Но такого белья носить мне не пожелалось.

– Пойдите-ка, спрошу тут одну женщину.

Женщина «взялась» и преисправно изуродовала все белье; оно получилось рваное, синее, с крупными мраморными чертами, черными пятнами и желтыми следами раскаленного утюга, словом, всем походило на то белье, про которое послушник сказал: «Мы *вот* какое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.